

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Багандова Л.З. Применение обратной силы уголовного закона в отношении преступления геноцида: международный и национальный аспекты // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.1.69938 EDN: ULRBMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69938

Применение обратной силы уголовного закона в отношении преступления геноцида: международный и национальный аспекты

Багандова Лейла Закировна

ORCID: 0000-0001-5060-9015

Младший научный сотрудник научно-организационного отдела, Институт государства и права
Российской академии наук

119019, Россия, Москва, г. Москва, ул. Знаменка, 10, каб. 207

✉ leyla.bagandova@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2024.1.69938

EDN:

ULRBMX

Дата направления статьи в редакцию:

22-02-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает геноцид как преступление против мира и безопасности человечества. Автор поднимает проблему возможности применения обратной силы уголовного закона к деянию данного рода несмотря на отсутствие такого положения в статье 10 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам международного законодательства, а также судебным прецедентам, касающимся рассмотрения споров по настоящей проблеме. Рассматривая последние, автор подвергает их глубокому системному анализу на предмет возможности возбуждения уголовного дела и расследования преступлений, подлежащих квалификации как геноцид в рамках действующего уголовного законодательства РФ. Подчеркивается роль Международного военного Трибунала по военным преступникам европейских стран оси (Нюрнбергского Трибунала) в формулировании и последующем закреплении нормы о геноциде. В своем исследовании

автор использует такие методы, как исторический, системный, формально-юридический, компаративистский, а также методы анализа, дедукции и формальной логики. Особым вкладом автора в рассмотрение настоящего вопроса является изучение историко-философских основ, морально-этической стороны придания нормам о геноциде обратной силы как с точки зрения международного, так и с точки зрения национального уголовного права. Основным результатом исследования является вывод автора о возможности применения Конвенции о геноциде ретроспективно, а также о необходимости закрепления в законодательстве Российской Федерации положения относительно необходимости придания уголовному закону обратной силы в отношении преступлений против мира и безопасности человечества путем внесения изменений в часть 2 статьи 10 УК РФ. Расширение дефиниции данной нормы упростило бы также уголовно-процессуальную деятельность в контексте возбуждения уголовных дел по данным обстоятельствам и их расследованию.

Ключевые слова:

геноцид, преступления против мира, Вторая мировая война, обратная сила, уголовный закон, историческая правда, защита исторической памяти, международное право, преступления против человечества, Великая Отечественная война

После Второй мировой войны ряд деяний в международном праве получил статус международных преступлений. На каждое государство распространилась юрисдикция над такими деяниями даже в случаях, если они не сопряжены с географическими границами отдельно взятого государства. При этом вопрос зависимости наступления уголовной ответственности за совершение международных преступлений в соответствии с национальным законодательством от времени его совершения остается не до конца определенным.

Действие уголовного закона во времени – вопрос, остро стоящий перед правоприменителями, когда речь идет о жизни, здоровье людей, а также мире и безопасности человечества. Запрет обратной силы закона вытекает еще из эпохи римского права, когда в основу законодательства ложился принцип *nullum crimen sine lege*. Этот принцип в дальнейшем стал основой формирования англосаксонской системы права будучи закрепленным сначала в Великой хартии вольностей 1215 г., а затем и в Билле о правах 1689 г., хотя на практике прецедентное право, характерное для стран общего права, не предполагает строгого соблюдения принципов непридания обратной силы закону [6, С. 24]. Так, в 1991 г. в Великобритании был принят Закон о военных преступлениях, по которому лица, на тот момент не являющиеся подданными или резидентами Великобритании, но позднее приобретшие соответствующий статус, могут быть подвергнуты суду за совершение преступлений в нацистской Германии или на оккупированной немцами территории во время Второй мировой войны (*War Crimes Act 1991 United Kingdom of Great Britain and Northern*). Одним из видов преступлений, вопрос о применении обратной силы, к которым остается не до конца решенным, являются преступления против мира и безопасности человечества, в частности геноцид.

Согласно нормам российского уголовного законодательства, к совершенному преступлению применяется уголовный закон, действующий в момент совершения такого преступления. Обратная сила применения уголовного закона по общему правилу не допускается, за исключением случаев, когда новый уголовный закон декриминализирует деяние, смягчает наказание либо иным образом улучшает положение лица,

совершившего преступление. В Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) норма о геноциде была введена в 1996 г., ее содержание было практически полностью идентично конвенционной норме [3, С. 1287-1289]. В отношении данного рода преступлений действует принцип универсальной юрисдикции, что не исключает возможности национальных судов считать себя полномочными в вынесении решений в отношении виновных в актах геноцида, даже если этот акт был совершен не на территории соответствующего государства и не его гражданином. Значит, статья 357 УК РФ может применяться и в отношении деяний, содержащих признаки геноцида и совершенных за пределами Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. В части 5 статьи 77 УК РФ говорится, что сроки давности к преступлению геноцида не применяются.

Актуальность рассмотрения настоящего вопроса обуславливается тем, что по вопросу обратной силы уголовного закона применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества, к которым относится и геноцид, уголовное законодательство не дает разъяснений, а сама проблема находит свое отражение в немногочисленных научных работах. Так, освещением геноцида и придания данному преступлению обратной силы в рамках уголовного законодательства занимались такие ученые, как А.Н. Савенков, А.А. Тунян, Т.Г. Ежова, Н.Н. Полянский, С.М. Кочои. Судами выносятся решения, определяющие расправы и насилие над гражданским населением во время Великой Отечественной войны как геноцид. Так, Смоленский областной суд признал массовые убийства и насильственные перемещения мирных жителей и военнопленных, совершенные на данной территории фашистскими захватчиками в 1941-1943 годах, фактом геноцида («Суд признал геноцидом массовые убийства населения Смоленской области в годы ВОВ. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/18309343>»). Московский областной суд признал геноцидом преступления против мирного населения Подмосковья, где количество жертв в период оккупации 1941-1942 годах составило 26 тысяч человек («Суд признал действия гитлеровцев в Подмосковье во время оккупации геноцидом». URL: <https://ria.ru/20230724/genotsid-1885977577.html>). Следственными органами также ведется работа по выявлению фактов геноцида и возбуждению уголовных дел в связи с выявленными обстоятельствами: заочно было предъявлено обвинение в совершении геноцида мирного населения Украинской ССР бывшему военнослужащему СС «Галичина» («ГСУ СК: националисту Гунько заочно предъявлено обвинение в геноциде». URL: https://rapsi-pravo.ru/incident_news/20231020/309321430.html).

Исторически вопрос об осуждении военных преступников уже после совершения ими ранее не криминализованных деяний относится к эпохе Средневековья. Так, в 1268 г. был казнен король Иерусалима и Сицилии Конрадин за развязывание им несправедливой войны, «что стало первым известным прецедентом уголовных санкций» [9, С. 23]. Позднее вопрос о создании международного суда для осуждения военных преступлений не раз поднимался, например, в 1872 г. по окончании франко-прусской войны, однако данное предложение в то время оказалось явно не соответствующим историческому и правовому развитию общества, в связи с чем оно осталось исключительно доктринальным. Переломным моментом становления международного права и международной уголовной юстиции стала Первая Мировая война, которая окончилась подписанием Версальского мирного договора. Его положения предусматривали создание международного суда для осуждения лиц, совершивших деяния, противные законам и обычаям войны [2, С. 1098-1106]. Процесс, однако, был затянут и не принес результата из-за решения Нидерландов не выдавать германского кайзера.

В дальнейшем надежды на развитие законодательства о военных преступлениях возлагались на Лигу Наций, при этом разработанный ее участниками Женевский протокол, запрещающий разрешение конфликтов путем ведения войны, в силу не вступил в связи с рядом политических событий, происходящих в европейских странах. Следующей серьезной попыткой создания международного суда стал Первый международный конгресс по уголовному праву, к вопросам ведения которого относились бы «дела о преступлениях международного порядка, и всеобщих/универсальных прав наций» [9, с. 30]. В данном проекте практически не было уделено внимание характеристике полномочий суда, более четкой регламентации круга деяний, совершение которых может являться предметом рассмотрения, а также процессуальным вопросам и гарантиям, в связи с чем он также не получил своей практической реализации.

Рассуждая о возможности придания обратной силы нормам о международных преступлениях, представляется необходимым обратиться к процессу, где впервые была реализована идея об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления в рамках международного права – Нюрнбергскому трибуналу. Факт его создания, основания его функционирования, текст Устава породили немало дискуссий о том, что это является своего рода прецедентом обратной силы уголовного закона. В результате была выработана следующая позиция: придание обратной силы международно-правовым и уголовно-правовым нормам в отношении нацистских преступников за совершенные ими преступления во время Второй мировой войны оправдано и не является отступлением от норм международного права. Описание геноцида было рассмотрено и в ходе Нюрнбергского процесса, однако сам термин «геноцид» в приговоре Международного военного трибунала по странам европейской оси отсутствует. Ю.Г. Барсегов придерживается точки зрения, что документы по итогам Трибунала имели в виду именно то преступление, которое стало впоследствии называться геноцидом, и это не может ставиться под сомнение [4]. Н.Н. Полянский писал, что «положения, что уголовный закон не может иметь обратной силы вовсе не имеет абсолютного значения. Оно перестает действовать, когда законодатель находит нужным по тем или иным исключительным соображениям отменить его. В области международных отношений, где закон уступает место договору, это может сделать договор или соглашение» [8, с. 12]. И.И. Лукашук, напротив, писал, что функционирование Нюрнбергского Трибунала является нарушением принципов «*nullum crimen sine lege*» «по крайней мере, в отношении ответственности отдельных лиц за преступления против мира, державы, подписавшие Лондонское соглашение, скорее создали новые, а не применили существовавшие нормы права» [7, с. 258-259].

Преступления, в которых обвинялись нацисты, безусловно, являлись нарушением норм международного гуманитарного права, в частности, эти деяния являлись преступлениями по национальному законодательству ряда государств. Так, указом Президиума Верховного Совета СССР установлено, что убийства и истязания над гражданским советским населением являются преступлениями, за которые «фашистские злодеи» будут подвержены наказанию в виде смертной казни (Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников»). Такие деяния совершались в рамках развязанной Германией агрессивной войны. Факт преступности этих деяний нацистами осознавался. В связи с этим, обратная сила закона в данном случае является механизмом привлечения виновных к ответственности и

применения конкретных уголовных санкций. С учетом тяжести содеянного нацистами это отступление от принципа запрета обратной силы закона оправданно.

Впервые в юридической практике термин «геноцид» был закреплен в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 1948 г. (далее – Конвенция 1948 г.), где говорится, что под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, а именно:

- убийство членов такой группы, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую (Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, preamble, Jan. 12, 1951, 78 U.N.T.S. 277.).

Вопрос о возможности придания обратной силы Конвенции впервые возник при обсуждении зверств, совершенных в отношении армянского населения в Османской империи в 1915 году. Британское правительство тогда высказало точку зрения о том, что «Конвенция ООН о геноциде 1948 года, которая в любом случае не имеет ретроспективного применения, была разработана в ответ на Холокост, и, хотя этот термин может быть применен к трагедиям, которые произошли после Холокоста, таким как Руанда, он не может быть применен ретроспективно» (Parliamentary Question Background Document relating to a written question from Lord Buffen tabled on 23 January 2001 - Draft response for Baroness Scotland, cited in Geoffrey Robertson, was there an Armenian genocide?). Эту же позицию Британское правительство поддержало в 2007 г., заявив: «в юриспруденции не принято применять судебные решения ретроспективно» (HMG's position on the Armenian Genocide Claims, Memorandum from the Russia, South Caucasus and Central Asia Directorate, FCO to Mr. Murphy, (July 2, 2007), cited in ROBERTSON, supra note 5, at 35).

На наш взгляд, следует обратиться к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Конвенция 1969 г.), согласно которой положения договора не являются для его участников обязательными в отношении событий, произошедших до даты вступления такого договора в силу, если иное не предусмотрено самим международным договором (ст. 28 Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 г.). В тексте самой Конвенции содержится прямой запрет на придание ей обратной силы и особо указывается, что ее положения распространяются только на те договоры, которые заключены государствами после вступления ее в законную силу (ст. 4). Исходя из этого, можно прийти к выводу, что запрет на обратную силу конвенций и иных международных актов, принятых до 1969 г., не распространяется. Следовательно, запрет на придание обратной силы Конвенции против геноцида на международном уровне нигде не закреплен, в тексте самой Конвенции также нет ничего, что указывало бы на то, что она не может применяться ретроспективно.

Конвенция о геноциде является широко ратифицированным многосторонним договором, который, по крайней мере, в некоторых отношениях признается либо подтверждающим, кодифицирующим, либо декларирующим нормы и принципы обычного международного права. В своем консультативном заключении относительно оговорки к Конвенции о

геноциде, вынесенном в 1951 году, Международный суд указал, что целью Организации Объединенных Наций было осудить геноцид и наказать его как «преступление по международному праву», которое шокирует совесть человечества и приводит к большим потерям и которое противоречит моральному закону и духу, и целям Организации Объединенных Наций». Также в преамбуле Конвенции говорится, что «во все периоды истории геноцид причинял большие потери человечеству». Очевидно, что эти слова предназначены для применения к событиям, предшествовавшим 11 января 1951 года. Преамбула к договору считается частью его контекста для целей толкования договора в соответствии со статьей.

Европейский суд по правам человека не раз высказывался по поводу придания обратной силы деяниям, содержащим в себе признаки геноцида. В деле «Василяускас против Литвы», где Литва просила признать фактом геноцида уничтожение литовских партизан в 1951-1953 гг., ЕСПЧ установил, что на момент совершения преступления литовское законодательство не содержало в себе норму, запрещающую геноцид. Международное законодательство (Конвенция 1948 г.) уже существовало, и только из-за факта отсутствия термина «политическая группа», к которым причисляла партизан Литва, в кругу потерпевших преступления геноцида по Конвенции, Василяускас был осужден не правомерно, что является нарушением ч. 2 ст.7 Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ) (Постановление ЕСПЧ от 20.10.2015 «Дело «Василяускас (Vasiliauskas) против Литвы» (жалоба N 35343/05)). В ином случае обращение к нормам Конвенции 1948 г. ЕСПЧ не признавалось неправильным.

В деле «Кононов против Латвии» Европейский Суд оценил сожжение беременной женщины, совершенное гражданином Кононовым в 1944 г., как военное преступление по положениям Женевской Конвенции 1949 г., документу, появившемуся гораздо позже совершенного деяния (Постановление Большой палаты по делу «Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г., жалоба № 36376/04). В период совершения рассматриваемого деяния в международном гуманитарном праве отсутствовали нормы об индивидуальной ответственности за такого рода действия, соответственно, не существовало норм об уголовной ответственности за их совершение. В связи с этим, латвийские суды, квалифицируя деяния Коконова, использовали Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г. и Конвенцию о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года. Возможность ретроспективного применения этих конвенций суды обосновали законодательством Латвии, принятым в 1993 году. А. И. Ковлер, анализируя спорное решение, не поддерживает позицию ЕСПЧ, называет это пристрастным толкованием, аргументируя предписаниями ст. 7 ЕКПЧ («Судья от РФ: пересмотр «дела Коконова» в Страсбургском суде невозможен». URL: https://rapsinews.ru/international_news/20110415/252249923.html).

Примечательно, что прежде Европейский Суд занимал иную позицию и в Постановлении по делу «Корбей против Венгрии» отметил, что «по делу не была показана возможность предвидеть, что действия заявителя образуют состав преступления против человечества согласно международному праву. Вследствие этого по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требования статьи 7 Конвенции», при этом действия, вменяемые Корбею, происходили в 1956 г., уже после принятия Женевской Конвенции, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и иных международных актов.

Утверждение о возможности применения Конвенции ретроспективно является все еще спорным в доктрине. Так, А. А. Тунян и Т. Г. Ежова считают, что нормы Конвенции имеют

обратную силу, и это вытекает из Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, где указано, что преступления геноцида должны быть наказаны вне зависимости от момента совершения [\[10, с. 18-19\]](#). Представляется, однако, что авторы подменили предмет обсуждения. Действительно, неприменимость срока давности к преступлениям против мира и безопасности человечества была установлена в Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. (Конвенция Организации Объединенных Наций «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» от 26.11.1968 г.) и в Европейской конвенции о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям 1974 г. (Европейская конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям 1974 г.), при этом мы полагаем, что понятия «отсутствие срока давности» и «придание обратной силы» нетождественны. Отсутствие сроков давности у преступления означает то, что лицо можно привлечь к уголовной ответственности вне зависимости от времени, прошедшего с момента его совершения. Важно отметить, что такое преступление является единичным простым, криминализированным в рамках действующего уголовного законодательства. Под обратной силой уголовного закона понимается иная ситуация, когда рассматривается возможность действия настоящего уголовного закона по отношению к событиям, произошедшим до вступления этого уголовного закона в силу. поэтому Аргумент в пользу возможности применения обратной силы со ссылкой на нераспространение сроков давности был бы справедлив, если бы эти преступления носили характер длящихся, так как в этом случае имело бы место непрерывное осуществление состава преступления.

Противоположную позицию занимает С.М. Кочои. Он полагает, что «попытки квалифицировать сегодня как геноцид уничтожение национальных или религиозных групп, имевшее место задолго до ее принятия, до появления в международном праве самого понятия «геноцид» ... неправомерны (тем более что Конвенция обратной силы не имеет). Эти факты должны быть квалифицированы по законам, действовавшим на момент их совершения, и, бесспорно, осуждены мировым сообществом» [\[5, с. 95-96\]](#).

На наш взгляд, проблема придания обратной силы уголовного закона в отношении международных преступлений, в частности, геноцида, возникает прежде всего из-за конкуренции принципов уголовного закона: справедливости и законности. Запрет обратной силы прямо вытекает из принципа законности, это один из корпускулов ядра принципа верховенства права [\[1, с. 7-13\]](#). С точки зрения настоящего принципа, закон не может быть нарушен, если в момент своего совершения деяния оно считалось непротивоправным. В данном случае интересной представляется доктрина Кельзена, который высказал позицию о правильности применения ретроактивного подхода к преступлениям, угрожающим миру и безопасности человечества. По его мнению, существует несколько видов ретроактивных норм: новая норма криминализует деяние, которое ранее не порицалось и считалось непротивоправным, и новая норма, наоборот, устанавливает ответственность за совершение деяния, противоречащего морали и более строгим высшим нормам. В случае с международными преступлениями, осуждению за совершение которых подвергались высшие должностные лица Германии, объективно применяется второй вид ретроактивной нормы [\[11, с. 541-544\]](#). Следовательно, принцип законности в данном случае может быть ограничен принципом справедливости.

Исходя из рассмотренных положений международных актов, касающихся как общих

вопросов их применения, так и специальных – конкретно по аспектам международных преступлений и геноцида, в частности, можно прийти к выводу, что применение Конвенции о геноциде ретроспективно не запрещено, этому не препятствуют международно-правовые инструменты. При этом, однако, кажется правильным нормативное закрепление соответствующего положения в национальном уголовном законодательстве, в частности, в статье 10 УК РФ, где обозначалась бы возможность применения обратной силы уголовного закона применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества. Расширение дефиниции данной нормы упростило бы также уголовно-процессуальную деятельность в контексте возбуждения уголовных дел по данным обстоятельствам и их расследованию. Установление факта геноцида – не просто формальное юридическое требование, но и требование справедливости и долга памяти по отношению к защитникам Отечества, а также будущим поколениям. В условиях сложной международной политической ситуации, манипулирования общественным мнением ситуации признания геноцида будут способствовать защите исторической правды, которое составляет важнейшее достояние человечества.

Библиография

1. Алешкова И.А., Стальнова А.С. Принцип запрета обратной силы закона: особенности реализации и тенденции развития // Государственная власть и местное самоуправление, 2020. №10. С. 7-13.
2. Антонов И.П., Селиверстов М.В. Формирование и развитие теории государственного суверенитета в трудах немецких ученых XVII–XIX вв. // Право и политика, 8 (164), 2013. 1098-1106.
3. Багандова Л.З. Геноцид: эволюция и уголовно-правовые аспекты // В книге: Традиции и новации в системе современного российского права. Материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва, 2020. С. 1287-1289.
4. Барсегов Ю.Г. Геноцид армян-преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.armenianhouse.org/barsegov/genocide-ru/crime.html> (дата обращения – 16.10.2023 г.).
5. Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика//Уголовное право. 2001. №2. С. 95-96.
6. Маликов С.В. Зарождение идеи об обратной силе уголовного закона // История государства и права, 2019. №3. С. 24.
7. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледах, И.И. Лукашук. М., 1995. С. 117, 258-259.
8. Полянский Н.Н. Международный военный трибунал. М., 1946. С. 12.
9. Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс. Москва, 2022. С. 23.
10. Тунян А.А. Проблема придания обратной силы Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09 декабря 1948 г. // Тенденции развития современной юриспруденции: сборник научных трудов [Электронный ресурс]: научное электронное издание. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018 (Трибуна молодых ученых). С. 18-19.
11. Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals // California Law Review. Vol. 31. №. 5 (Dec., 1943). P. 541-544.